

Субъективное качество жизни в психологии бедности

Шаповал И.А.,

доктор педагогических наук, профессор кафедры специальной психологии психолого-педагогического факультета, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия, irinashapoval@yandex.ru

Статья представляет собой теоретическое введение в дискуссионную проблему субъективного качества жизни носителей психологии бедности. Выделены социокультуральные факторы субъективного качества жизни, систематизированы его психологические составляющие и факторы его высокого уровня. Описана совокупность характеристик психологии бедности, включающая чувства вытесненности из нормальной жизни, безысходности, фатализма, обделенности, социальной зависти, метапатологию личности, дефицит субъектности, ответственности, позицию аутсайдера, комплекс вины выжившего и т. д. По критерию отношения к своей жизни выделены типы носителей психологии бедности: пассивно-созерцательный, пассивно-агрессивный, псевдокомпенсаторно-девальвирующий, инфантильный, аномический. Проанализирована специфика рефлексии и бенчмаркинга носителей психологии бедности как когнитивных и аффективных стратегий оценки качества своей жизни, ориентированных на поддержание самоуважения.

Ключевые слова: субъективное качество жизни, культура бедности, психология бедности, депривация, относительная депривация, рефлексия, бенчмаркинг, типы отношения к своей жизни.

Для цитаты:

Шаповал И.А. Субъективное качество жизни в психологии бедности [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Т. 6. № 4. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/4/Shapoval.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Shapoval I.A. Subjective quality of life in the psychology of poverty [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2014, vol. 6, no. 4. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/4/Shapoval.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

В самом широком понимании феномен субъективного качества жизни (далее – СКЖ) относится к характеристикам самовосприятия личности с точки зрения оценки ею своего жизненного пространства и определяется как осознание личностью индивидуального благополучия, как субъективное удовлетворение, выражаемое или испытываемое ею в физических, ментальных и социальных ситуациях.

Проблема качества жизни широко представлена в самых разных областях науки и практики: в философии (Аристотель, Эпикур, Д.Э. Гаспарян, Е.В. Золотухина-Аболина, М.К. Мамардашвили, А.С. Тодоров, Е.М. Ходос, G. Guyatt, F. Peonidis и др.), социологии (И.В. Бестужев-Лада, Б.В. Бойцов, В.С. Голубев, В.В. Давыдова, Е.И. Капустин, Л.А. Кузмичев, М.Б. Лига, А.И. Субетто, М.В. Федоров, Г.И. Элькин, Р.Р. Яппарова, J. Bell, B. Liu, J. Priestley, A. Toffler, C. Zamfir и др.); психологии (F. Andrews, M. Argyle, R. Assagioli, A. Campbell, L. Carstensen, E. Diener, P. Fayers, E. Fromm, D. Haybron, D. Kovac, A. Maslow, C. Rogers, D. Shin, R. Veenhoven,

R. Whitrod, Ю. Александрович, Н.В. Виничук, Г.М. Головина, И.А. Джидарьян, Г.М. Зараковский, В.И. Кулайкин, А.П. Отисис, Т.Н. Савченко, А.Е. Созонтов, Е.А. Угланова и др.). Как интегральное отношение личности в конкретный момент к своей жизни СКЖ отражает не просто переживание жизненной ситуации, а то ценностное значение, которое придает смысл и задает цели развития в жизнедеятельности личности (А.В. Баранова, Е.Б. Моргунов).

Имеющаяся база исследований позволяет выделить:

наиболее общие социокультуральные факторы СКЖ: социальный статус, социальный капитал, свобода деятельности и выбора, уровень образования, доступ к культурному наследию, принадлежность к определенной социальной группе (возраст, гендер, профессия и т. д.), профессиональное самоутверждение, адекватность социальных связей и поддержки и т. д.;

психологические составляющие качества жизни: социально значимые ценностные ориентации личности, удовлетворенность жизнью и ощущение счастья, баланс положительных и отрицательных эмоций, успешность личности, личностное самоутверждение (А.М. Алмакаева, А.В. Баранова, И.А. Джидарьян, Г.М. Зараковский, В.И. Кулайкин, Т.Н. Савченко, Е.А. Угланова, E. Diener, M. Rapley, D. Shin, R. Veenhoven и др.);

факторы высокого СКЖ:

- в зарубежной психологии: экстраверсия, интернальный локус контроля, высокая самооценка, самоуважение, самопринятие, оптимизм, жизнерадостность, умение планировать и продуктивно использовать время (M. Argyle, E. Diener, A. Campbell, T. Lischetzke, R. Lucas, R. Veenhoven и др.);

- в отечественной психологии: самореализация, активность, смелость, ответственность, способность к самовыражению, мотивационная направленность, совладающее поведение, уверенность (К.А. Абульханова-Славская, Г.М. Головина, И.А. Джидарьян, Г.М. Зараковский, Т.Н. Савченко и др.).

Тем не менее анализ обширного круга научных отечественных и зарубежных трудов, посвященных СКЖ (исследования субъективной удовлетворенности жизнью, ощущений благополучия и счастья) и коррелирующим с ним характеристикам личности, приводит к следующим выводам. Исследователи останавливаются на констатации факторов положительного СКЖ, оставляя в тени психологические детерминанты эпидемически распространяющейся и хронической неудовлетворенности жизнью и рассматривая ее исключительно как негативный феномен. Когнитивные механизмы взаимодействия человека с его внутренней и внешней социальной реальностью представлены изолированно и вне контекста формирования СКЖ. Отсутствуют или фрагментарны представления о механизмах связи личностных и социально-психологических детерминант с результирующей оценкой СКЖ, а также об их опосредованности психосоциокультурными условиями жизни. Знания о механизмах деформаций личности и межличностных отношений, социальных болезнях личности (А.Ю. Акопов, Ю.И. Гиллер, Н.В. Дмитриева, Е.В. Емельянова, Ц.П. Короленко, В.Д. Менделевич, В.Д. Москаленко, А.В. Осницкий, М. Папуш, М.М. Решетников, Е.В. Руденский; R. Assagioli, J. Bowlby, V. Frankl, E. Fromm, M. Foucault, M. Haslam, K. Horney, C. Jung, K. Jaspers, V. Weinhold, J. Weinhold и др.) остаются мало востребованными в психологии качества жизни.

Субъективное качество жизни — продукт реальных и идеальных интеракций субъекта с его социальной реальностью, сложно взаимодействующих с его субъективным пониманием целей этих интеракций (А.Г. Асмолов, Ф.Е. Василюк, Л.Я. Гозман, В.Н. Дружинин,

Д.А. Леонтьев, С.К. Нартова-Бочавер, А. Adler, R. Emmons, V. Frankl, R. Laing, A. Langle, F. Perls, С. Rogers и др.). Естественно, что субъектность в оценке качества жизни опосредуется внешними для современников социокультуральными факторами – условиями жизни в обществе постмодерна.

Здесь можно выделить:

1) смещение и взаимопроникновение индивидуалистической и традиционной культур и менталитета: а) их независимые и взаимозависимые личностные конструкты (Д. Мацумото); б) разный социальный капитал: в западной культуре — доверие, солидарность, в России — тотальное недоверие, подозрительность (А.Н. Славская); в) разные ценности: в традиционной европейской культуре — понимание зависимости всего происходящего в мире от твоих личных усилий, в российской ментальности (Н. Бердяев, В. Розанов) — духовное иждивенчество, ожидание помощи извне, в основе которого лежит неуважение к самому себе;

2) характеристику общества постмодерна как «текучей современности» (З. Бауман), обусловленной взаимодействием процессов глобализации и индивидуализации. «Текучая современность» детерминирует аккультурационные процессы больших групп населения в новых для них условиях и стереотипизацию их новых стандартов жизни по образцу западных индустриально развитых стран;

3) темпоральную многослойность постмодерна (Э. Блох) — «нагромождение времен». Согласно Э. Тоффлеру, 70 % популяции Земли живет в прошлом, 25 % (золотой миллиард) — в настоящем, 2 % — в будущем, 3 % — маргиналы. Субъективная оценка качества жизни в этих условиях сталкивается с различиями во многом оппозиционных социальных групп: поколений по вертикали (дети — молодые — взрослые — пожилые) и различных социальных страт — по горизонтали.

Статистические показатели уровня жизни в России характеризуют нашу обыденность как общество социального расслоения и культуры бедности, что актуализирует научный анализ субъективного качества жизни в психологии бедности как предмета исследования. Объектом нашего исследования стало психологическое содержание культуры бедности, с учетом того, что экономические показатели уровня жизни могут быть весьма различающимися у разных ее носителей.

Согласно Российскому статистическому ежегоднику (2012 г.) [9], численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума [9, табл. 6.26] в 2011 г. составила 18 млн. человек или 12,7 % населения. До 5 тыс. рублей дохода получает 7,3 % населения РФ, до 7 тыс. — 8,1 %, до 10 тыс. — 13,4 %. Суммарно это составляет 28,8 % населения. Еще 19,8 % имеет доход до 15 тыс. рублей.

Распределение малоимущего населения по месту проживания показывает [9, табл. 6.29]: бедность концентрируется в городах с населением менее 50 тыс. человек и в сельской местности — 22,7 % и 25,9 % соответственно. Среди детей в возрасте до 16 лет — 17,8 % малоимущих, среди молодежи в возрасте 16—30 лет — 21,4 % малоимущих. Женщины и мужчины в возрасте 31 — 54 (59) лет представлены примерно одинаково: 22,2 % и 20,5 % соответственно. Уровень образования, как ни странно, не дает преимуществ: на первом месте лица со средним профессиональным образованием — 29,0 %; на втором с высшим — 28,0 %; на третьем со средним общим — 15,4 %.

В количественном отношении распределение населения по величине среднедушевых доходов представлено пятью группами: первую группу — наименьшие доходы — составляют 5,2 % населения, вторая и третья группы (близки к черте бедности) — суммарно 24,8 % населения; пятая группа — с наибольшими доходами, начинающимися от 35 тыс. руб., — со-

ставляет 47,4 % населения страны. Примечательно, что структура потребительских расходов в этих группах весьма различна [9, табл. 6.34]. В первых трех группах на продукты питания приходится от 41,8 % до 34,7 % всех расходов; на жилищные услуги, воду, электроэнергию, газ и др. – от 16,7 % до 12,7 %, на организацию отдыха и культурные мероприятия – от 6,8% до 4,2 % всех расходов. В группе с высокими доходами эти расходы составляют соответственно – 20,7 % ; 8,9 %; 8,3 % [9].

Усиливающееся расслоение российского общества выражается не только в углублении экономической пропасти между бедными и богатыми, но и во все большей культурально-психологической дифференциации внутри общества. Динамика российского менталитета в этих условиях отражает, прежде всего, рост индивидуализма: с одной стороны, снижение роли представлений о своей идентичности с общностью, о связи труда и обеспеченности, о социальном равенстве и т. д., с другой – возрастание роли представлений о ценностях семьи, денег, надежности межличностных отношений, образованности, профессионализма, компетентности, безопасности и т. д. [10] Но как бы ни трактовалась индивидуализация – как высокая ценность человека в его уникальности, его относительная автономность и независимость от группы, восприятие себя как объекта собственного познания, действия, развития (М. Фуко) – с большой долей уверенности можно утверждать: индивидуализм бедных имеет специфическое контркультурное содержание. Стереотипы бедности, включая страх перед ней, встроены, на наш взгляд, в структуру образа мира (как его неотъемлемая часть) большинства россиян, независимо от различий в экономических показателях их жизни.

Фрагменты анкетирования 112 студентов и 38 представителей профессорско-преподавательского состава вуза [12], представленные в табл., доказывают это.

Таблица

Установки психологии бедности (%)

Установки бедности	Студенты	Преподаватели
1. Жизнь полна конфликтов и страданий	48,6	51,9
2. Чтобы выжить, надо бороться	97,1	77,8
3. Мы живем в жестоком мире	74,3	55,6
4. Мне всегда не хватает денег	62,9	37,0
5. У меня нет богатства, зато есть здоровье	47,4	55,6
6. Я не богач, зато я порядочный человек	94,3	74,1
7. Нужно экономить на черный день	62,9	48,1
8. У меня деньги сквозь пальцы летят	40,0	37,0

Мы видим, что понимание бедности не может ограничиваться экономическими показателями и нуждается в разведении ее оценок.

Абсолютная бедность коррелирует с минимальным жизненным уровнем и ситуацией нехватки средств, необходимых для поддержания жизни: пищи, крова, одежды и т. п. Современные концепции воспроизведения бедности предлагают понятия *underclass* и *культура*

бедности, культура депривации, сменившие понятия пауперы, люмпен-пролетариат, неприличные бедные [11].

Относительная бедность — это отсутствие возможностей иметь все, воспринимаемое большинством как само собой разумеющееся и рекламируемое как «нормальный», счастливый и благополучный «образ жизни». З. Бауман подчеркивает: бедные живут в том же мире, который обеспечивает выгоду тем, у кого есть деньги, и в обществе пристрастия к покупкам/зрелищам им некуда отвести глаза: экранные образы задают стандарты действительности и ее оценки, а также стремление сделать «живую» реальность более приятной. Чем выше «степень свободы на экране и чем более соблазнительны искушения прилавков магазина, тем глубже ощущение убогости реальности, тем более неодолимым становится желание испытать хотя бы на мгновение счастье свободы выбора. Чем больший выбор, как кажется, имеют богатые, тем ненавистнее для всех жизнь без выбора» [2, с. 97].

Как показано выше в данных статистики, общества — а, соответственно, и культуры в них — неоднородны, и потому их восприятие всегда внутренне конфликтно. Внутри любой социокультурной системы и в образах мира ее представителей сосуществуют альтернативные миры, объединяемые общими культурными константами и разделяемые различными ценностными системами и интерпретациями основных культурных тем. Последнее обуславливает неизбежность внутрисистемного конфликта: как бы хорошо ни было организовано и социально обустроено общество, бедность является тем феноменом, контроль над которым так и не приобретен. Таким образом, возможность и существование иного, не подпадающего под нормы, означает, что бедность и психология бедности конституированы и являются внутренней структурой и общества, и личности.

Разделение на богатых и бедных, живущих в разных мирах, во многом оппозиционных друг другу, впервые описано в XIX в. Б. Дизраэли в романе «Сивилла»: это две нации, между которыми нет общения и симпатии, они несведущи о привычках, мыслях и чувствах друг друга, как если бы были жителями разных планет. Крайняя бедность считалась уделом слабых, ленивых и униженных, и эта тенденция «обвинять жертву» в бедности и проводить различие между теми, кому следует помочь, и тем, кто представляет собой просто «тунеядцев», сохраняется до сегодняшнего дня.

Согласно культурному подходу (Ч. Мюррей, К. Аулетта, О. Льюис и др.), бедные сами виноваты в своей материальной несостоятельности: их ценности, личностные установки, поведение и образ жизни препятствуют изменению их социального статуса. Ф. Ницше отмечал способность бедности превращаться в источник власти человека над теми, кто за него беспокоится: если у меня ничего нет — я не могу ничего дать, но всегда должен получать. Главная причина бедности и связанных с ней несчастий — надежда бедных на то, что «они» (общество, государство, правительство) будут заниматься «нашими» проблемами (Д. Марсленд). Эта надежда делает бедных неуверенными в себе и лишенными социальной ответственности, а социальная политика помощи бедным создает культуру зависимости, позволяя им оставаться безработными и зависимыми [11].

Психологический уровень культуры бедности характеризуют (О. Льюис) чувства вытесненности из нормальной жизни, безысходности, зависимости, неполноценности, безразличия, фатализма, примирения с собственными патологиями [11]. Сущность современной бедности — обездоленность (А. Ашкеров): бедный буквально лишен доли, сама судьба для него — род обделенности; в мире он, экономически и экзистенциально, — пассажир без места [1]. Разрыв между универсальными социально одобряемыми целями и практической недоступностью для бедных слоев населения социально санкционированных средств достижения этих целей толкает многих бедных на незаконные или «обходные» пути. Для многих утрачена сама значимость социальных норм и предписаний, что характерно для аномии (Э. Дюркгейм).

В концепции реализации потенциальных возможностей (К. Муздыбаев, А.Б. Берендеева) причинами бедности называются трудности адаптации личности к постоянным переменам в обществе в силу дефицита индивидуальности, субъектности, инициативности, ответственности за выбор, а также стремление активно или пассивно перекладывать на других важные решения в своей жизни. Образ жизни такого человека можно соотнести с фазой натуральных форм поведения (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия), где основной чертой является приспособление к любой ситуации исключительно при посредстве того, чем человек обладает. Мысль о том, что данную задачу можно разрешить более совершенным способом, применяя какие-нибудь иные приемы, — чужда ему. Носитель психологии бедности — личностно аутсайдер, признающий свою позицию и согласившийся с ней. Такое социальное определение является самоосуществляющимся.

Связь разных характеристик неуспешной социальной жизни отражает также феномен *культуры депривации*: это образ жизни, отличающийся смирением с реальностью, адаптированный к хроническому неудовлетворению базовых социальных потребностей, включая частные потребности в автономии, самореализации и обеспечении личностной интеграции. Сознание, что собственные усилия или бездействие ничего принципиально не меняют, типично для носителей психологии бедности и сочетается с деформациями и дисфункциями личности, измененными феноменами сознания и нормального персонотеза.

Так, по результатам мониторинга общественного мнения, 72 % населения говорят о потребности в деньгах, реализуя при этом инфантильные жизненные стратегии, направленные на удовлетворение текущих желаний (34 %), демонстрируя отсутствие стремления к профессиональному совершенствованию и замкнутость в семейном кругу [5]. Такое состояние свидетельствует о неспособности человека подняться над обыденностью — потребностями, желаниями и интересами «эго»: еда, возможность удовлетворять инстинкты и реализовывать способности, наличие пространства для самоутверждения, в том числе нездорового и т. д. [4] Конформизм бедных классифицирует всех стремящихся внести изменения в рутину жизни как «выскочек». В целом психология бедности ведет к пассивному насилию над окружающими, стремлению манипулировать ими.

Уповать на смену поколений в изменении ценностей, установок, образа мира россиян в обозримом будущем не приходится: многие российские культурные стереотипы крестьянского общинного коммунитаризма живы до сих пор. Парадоксально понимание бедности большинством как зла, порожденного несправедливостью, и одновременно — как добродетели. Культивирование общинной / коммунальной психики является и базой, и фактором живучести психологии бедности в России.

Повседневная реальность — реальность высшего порядка (Д.Э. Гаспарян, Е.В. Золотухина-Аболина, W. James, A. Schutz и др.). Образ жизни человека является результатом его воспитания в семье и обществе и основывается на ценностях, постигаемых им в процессе социализации. Родители, выросшие и живущие в культуре бедности, не могут привить своим детям ценности и поведение, необходимые для достижения успеха, поэтому их дети плохо учатся в школе и затем сами неспособны обеспечить себя или своих детей. Как выразился в одном из выступлений В.В. Путин, если объединить двух бедных людей, семья богаче не станет. Иными словами, бедность и невежество почти неизбежно порождают бедность, невежество и чувство обездоленности, передающиеся от одного поколения «безалаберных» и «нуждающихся» к другому в *цикле депривации*.

Несмотря на то, что семейные взгляды и ценности не всегда передаются «нетронутыми» следующему поколению, стереотипный характер повседневности носит, как правило, и навязчивый, и насильственный характер: мягко и вкрадчиво внедряясь воспитанием и вколачиваясь наказаниями и остракизмом, повседневность понуждает нас следовать наличным структурам порядка, более или менее нивелируя и обезличивая нас [4]. Многим выросшим в

культуре бедности присущ *комплекс вины выжившего* (Д. Вейс) как жизненный сценарий. Они могут считать неблагополучие в жизни само собой разумеющимся и не догадываться, что даже в самостоятельной жизни поддерживают уровень депривированности, привычный с детства. Они могут чувствовать вину перед членами своей семьи в случаях своего успеха и считать его чем-то нечестным перед ними, особенно если у брата или сестры не сложилась карьера или семейная жизнь. Они часто упускают благоприятные возможности и не могут позволить себе быть счастливее и успешнее своих близких. Они не уважают себя и не ценят; не веря в собственные силы, они стремятся избавиться от ответственности, или же у них развивается сверхответственность. Они учатся извлекать выгоды из деструктивных отношений и обучаются манипулятивному поведению. Они не уважают окружающих и не доверяют им. Тем не менее, они могут оценивать свою жизнь как «счастливую» или «нормальную»...

Оценка качества индивидуальной жизни основывается на рефлексии и бенчмаркинге. В связи с тем, что науки о человеке до настоящего дня не создали инструментария для анализа субъективности и измерения ее проявлений, закономерен выбор конструктивистской парадигмы как доступной методологии изучения СКЖ. Преследуя цели социальной критики, рефлексии и преобразования тех или иных социальных образований и жизни человека, конструктивизм реализуется в субъективистской эпистемологии и релятивистской онтологии – в признании существующими множества локальных, социокультурно сконструированных реальностей. Непрерывно сопоставляя качество жизни окружающих людей и/или групп между собой, интерпретируя и типологизируя разнообразие своих впечатлений о социальной реальности и происходящем с нами и вокруг нас с точки зрения счастья или несчастья, мы конституируем свой образ мира / макромиф и реальность собственного качества жизни, оценивая себя как несчастных или счастливых (Э. Гуссерль, М. Вебер, З. Бауман, П. Бурдьё, А. Бандура, А. Бек, А.Эллис, Дж. Келли, А.Н. Славская и др.).

Рефлексия и бенчмаркинг реализуются личностью в контексте своей культуры. Общие идеи о культуре и личности (В. Вундт, У. Джеймс, К. Юнг, Э. Нойманн, Дж. Деверо, М. Спиро, Г.К. Триандис, Г. Хофстеде и др.) констатируют их взаимозависимость: личность как носитель культуры характеризуется личностным уровнем ее функционирования, динамики и продуктивности, в то же время культуре принадлежит ведущая роль в развитии «внешней» и «внутренней» личности человека. Культура персонализируется в формах индивидуальных значений, смыслов, переживаний, мотивов, деятельностей и поступков, в свою очередь обобщенные способы персонализации порождают культурные типы / «модальные» личности.

Понимание культуры как форм деятельности людей по воспроизведению и обновлению социального бытия с ее продуктами и результатами позволяет определить отношения культуры и личности как конструирование последней социальной реальности в форме собственного *образа мира*, или *макромифа*. В контексте своей культуры личность воспринимает языки обыденного общения и культуры (символика и социально-культурные смыслы) и перерабатывает их в смыслы собственного мироощущения, репрезентируя себя как агента социальных отношений и ролей. В границах своего макромифа личность выступает субъектом формирования схем социальных взаимосвязей и соответствующего этим схемам поведения. Таким образом, личность и воспроизводит свою культуру, и создает ее личностные смыслы (К.А. Абульханова, О.С. Дейнека, С.В. Лурье, Д.В. Ольшанский, Н.И. Сарджвеладзе, Е.Б. Старовойтенко, R.C. D'Andrade, S. Benhabib, P. Bourdieu, E. Durkheim, C. Lasch, R.A. LeVine, D. Matsumoto, R.A. Shweder, R. Sennett).

Базовые типы счастья в российской ментальности, выделенные И.А. Джидарьян [3], в культуре бедности представлены, на наш взгляд, особой иерархией: «настороженно-оборонительный», «гедонистический» и гораздо реже – «смысложизненный». Каким же об-

разом «работают» в психологии бедности рефлексия и бенчмаркинг в целях оценки качества своей жизни?

Человек – существо уникальное в силу своей способности создавать позитивные иллюзии в оценке качества своей жизни: иллюзии контроля, нереалистичский оптимизм и т. п. Согласно данным международного социологического опроса («Рейтер», 2000), россияне по своему самоощущению счастливы. При этом в семейной жизни мы самые несчастные на свете (в 6 раз чаще, чем австрийцы и американцы); работа делает счастливыми лишь 2 % россиян; 36 % населения, счастливых от ощущения уверенности в себе, связывают эту уверенность только с тем, что хорошо выглядят [7]. Таким образом, большая часть россиян счастлива иррационально.

Население – самый многочисленный страт современного российского социума, состоящий из социально атомизированных и в большинстве своем малообеспеченных личностей – характеризуется самоутверждением личности через негативный бенчмаркинг «*я лучше, чем другие*», диссоциирующим с потребностью в социальном признании этими другими [10]. Субъективная относительная депривация в форме чувств неудовлетворенности и социальной зависти не зависит от социального и экономического статуса и характерна для носителя психологии бедности. Согласно словарю В. Даля, завидовать – значит досадовать на чужую удачу, счастье; болеть чужим здоровьем. Человек (или группа) считает, что заслуживает лучшей участи (большого материального благополучия, высокого социального статуса и т. д.), но ответственность за свою бедность возлагает на внешние обстоятельства (несправедливые законы и т. п.), снимая тем самым ответственность с себя и рационализируя свой *modus vivendi*.

Позитивная самооценка – главный источник субъективного благополучия. Бедность – объективно хроническая трудная жизненная ситуация, в которой человеку следовало бы признать свое аутсайдерство, неуспех в жизни. Но любой человек – и бедный не исключение – нуждается в поддержании оптимального уровня самоуважения, необходимого для сохранения приемлемой личностной интегрированности и ощущения идентичности. Используемые для этого стратегии можно условно разделить на когнитивные и аффективные.

Стратегии «перетекания» аффектов между областями жизни, используемые людьми для повышения уровня их субъективного благополучия, описывает М.Дж. Сёрджи [13]: усиление активности при неудовлетворенности в одной сфере жизни в других сферах; перестройка жизненных приоритетов с компенсацией недостатка благополучия в одной сфере жизни путем повышения ценности другой; сегментирование – отделение аффектов, препятствующее их «перетеканию» между сферами; компенсация – негативные перемены в одной сфере жизни человека компенсируются положительными эмоциями в другой.

Сам концепт «перетекание» подразделяется на субстратегии «перемещения». Важно, что негативные эмоции перемещаются по тем же механизмам и благополучные сферы жизни могут «заражаться» отрицательными переживаниями личности, относящимися к другим сферам:

«*восходящее перемещение*» – «перетекание» эмоционального фона между жизненными сферами в направлении от более частных иерархизированных жизненных пространств к глобальным терминальным ценностям «счастье» и «полнота жизни». Удовлетворенность жизнью в целом обуславливается удовлетворенностью в наиболее ценных жизненных областях;

«*нисходящее перемещение*» – течение аффекта по пути от общей удовлетворенности жизнью вниз к отдельным сферам;

«горизонтальное перемещение» – «заражение» эмоциональным фоном соседних областей: чем более долгожданны позитивные перемены в одной из сфер, тем сильнее соответствующие эмоции будут влиять на другие жизненные пространства.

В пределах одной сферы жизни стратегии движения аффекта включают: переоценку ценностей, основанную на личной истории, на рефлексии и/или на бенчмаркинге; выбор целей, их реализацию и достижение. Стратегия баланса комбинирует «между-» и «внутри-сферовую» динамики аффектов. Понятие *сбалансированной жизни* подразумевает состояние удовлетворенности и реализации в ряде важных жизненных сфер без негативного влияния на другие.

Когнитивные стратегии носителей психологии бедности призваны облегчить эмоциональные переживания и любой ценой сохранить или восстановить позитивное самоотношение, избежав при этом его болезненной перестройки, чего проще всего достигнуть путем девальвации неуспеха. Выбор этого пути тесно связан с особенностями личности носителя психологии бедности: это непринятие ответственности за жизненные выборы, личностное и социальное иждивенчество, отказ от инициативы, зависимость как стиль жизни, роль жертвы, непродуктивность мышления и репродуктивность поведения, преобладание эмоционального над рациональным. Носитель психологии бедности не только не посвящает в ее тонкости других людей, но и сам старается не анализировать их, ограничиваясь ссылками на некий уклад жизни: «*такова жизнь*», «*я делаю как все*» и т. п.

«Если ты такой умный – почему такой бедный?». Для сохранения своего мифа и достоинства носители психологии бедности нуждаются в отказе от честной рефлексии в пользу иррациональных верований, культуральных традиционных стереотипов «достоинств» бедности, неадаптивных когниций и иррациональных конструктов, иллюзий и симулякров, защитных интерпретаций и атрибуций, обмана и самообмана. Специфика бенчмаркинга определяется его стереотипным негативизмом, произвольной селективностью образцов для сравнения, скрытой и открытой социальной завистью и т. д. Человек активно использует отрицание и вытеснение, чтобы не допустить в сознание мысли о бесплодности своей жизни.

Инструментально способы девальвации разнообразны [8]:

- обесценивание объекта: снижение значимости для себя недостигнутого, тем самым обесценивая свои неудачи («зеленый виноград»);
- коррекция ожиданий и надежд, нередко в форме минимизации потребностей («всяк сверчок знай свой шесток»), что спасает от неудач, но обедняет будущее и отнюдь не поднимает самоуважение личности;
- акцептация ситуации, принятие ее такой, как она есть, терпение, смирение и отсюда — прекращение безуспешного преодоления ситуации;
- позитивное толкование ситуации: «идущее вниз сравнение» (с находящимися в еще более незавидном положении) или «идущее вверх сравнение» (воспоминания о своих успехах в других ситуациях).

При невозможности изменения индивидуального статуса компенсация осуществляется коллективными средствами и коллективным поведением с помощью трех когнитивных альтернатив (Г. Теджфел, Дж. Тернер):

- 1) ограничение числа объектов для сравнения: если существующий социальный порядок воспринимается как незыблемый, то низкостатусные группы ограничиваются сравнением своего положения с положением таких же групп. Выбор для сравнения заведомо

бесприоритетного объекта дает возможность поддерживать удовлетворительную самооценку;

2) изменение и даже изобретение других параметров для сравнения: «Пусть вы благополучные, процветающие, владея этим миром, навязываете свои ценности, но ЗАТО мы их не признаем. Мы живем, как хотим и поэтому ощущаем свое превосходство над вами»;

3) противоборство с доминирующими группами за изменение существующего положения вещей: «Кто был ничем, тот станет всем!». История показывает, что вчерашние угнетенные под знаменем борьбы за справедливость жаждут взять реванш, т. е. стать угнетателями.

Самым общим следствием для личности оказывается рассогласование ее механизма идентификации/обособления и содержания образа мира. Убеждение в невозможности что-либо изменить резко снижает масштабы изменений и эталонов, делая изменение ситуации невозможным (самоосуществляющееся пророчество).

Психология бедности конституируется убеждениями: «лучше синица в руке, чем журавль в небе»; «ищи не очень трудную работу – чтобы хватало на жизнь»; «судьба каждого predetermined – лучше и не суесться»; «чем меньше ждешь от жизни – тем больше доволен тем, что получаешь»; «скромность украшает человека»; «не в деньгах счастье» и т. п. Описываемую тенденцию жизни А. Маслоу характеризует как метапатологию личности, ориентированной на удовлетворение существующего дефицита или требований окружения, желающей жить сегодняшним днем, не желающей видеть что-либо ценное и достойное в жизни, не умеющей ценить настойчивость в поисках личностного самосовершенствования. Такие люди, считал А. Маслоу [6], живут только наполовину, потому что их жизнь сконцентрирована на поддержании своего положения.

Анализ разнообразия описаний бедных позволяет условно выделить ряд их **типов** по критерию их отношения к своей жизни.

Пассивно-созерцательный: позиция социального аутсайдера с низким уровнем притязаний, требований, ожиданий от жизни («мы уж так уж как-нибудь»); примирение с реальностью хронического неудовлетворения базовых социальных потребностей и их минимизация; стратегия «жизни наполовину».

Псевдокомпенсаторно-девальвирующий: обесценивание «благополучной» жизни через «зато» («я – бедный, зато у меня есть духовность, здоровье, спокойствие, честность» и т. д.).

Инфантильный: эмоциональность, иррациональность, мифологическое мышление, экстернальный локус контроля с оптимизмом и отказом от рефлексии жизни в целом.

Пассивно-агрессивный: некомпетентность, низкий уровень самоутверждения, хронические недовольство, раздражение, разочарованность с внутренней агрессией, пассивным сопротивлением и поверхностным подчинением. Выраженная тенденция к предъявлению претензий сочетается с отсутствием четких представлений о том, как должно выглядеть положение, при котором он был бы доволен.

Аномический: чувства беспомощности, изоляции, пустоты, безответственности и отсутствия моральной цели в сочетании с девиантными ориентациями, авторитаризмом, этноцентризмом, экстремизмом и т. д.

Выводы. Психология бедности как важная составляющая культуры бедности характеризуется двумя важнейшими факторами: 1) депривированностью базовых потребностей личности в автономии, суверенности, самореализации и личностной интеграции; 2) относи-

тельной депривированностью с чувствами хронической неудовлетворенности своей жизнью, обделенности, социальной зависти.

Объективные экономические показатели уровня жизни у носителей психологии бедности опосредуются субъективными интерпретациями роли в жизненном тренде личности. Рефлексию как практику СКЖ у носителей психологии бедности объединяет отказ от честной рефлексии в пользу обмана и самообмана с помощью иррациональных верований, традиционных стереотипов, неадаптивных когний, иллюзий, защитных интерпретаций и атрибуций. Специфика бенчмаркинга определяется негативизмом, произвольной селективностью образцов для сравнения, скрытой и открытой социальной завистью и т. д.

Перспективы проведенного нами исследования видятся в дальнейшем анализе и уточнении сущностных характеристик описанных типов носителей психологии бедности и в более тщательной феноменологии их субъективного качества жизни, а также практик его определения.

Литература

1. Ашкеров А.Ю. Социальная антропология. М.: Маркет ДС, 2005. 608 с.
2. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. Джидарьян И.А. Представление о счастье в российском менталитете: монография. СПб.: Алетейя, 2001. 242 с.
4. Золотухина-Аболина Е.В. Повседневность: философские загадки. Киев: Ника-Центр, 2006. 256 с.
5. Зоркая Н. Проблемы повседневной жизни семьи. «Бедность» как фокус восприятия повседневных проблем // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 1. С. 26–38.
6. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2008. 351 с.
7. Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб.: Питер, 2002. 386 с.
8. Осухова Н.Г. Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях. М.: Издат. центр «Академия», 2005. 288 с.
9. Российский статистический ежегодник. 2012: Стат.сб. / Росстат. М., 2012. 786 с.
10. Славская А.Н. Личность как субъект интерпретации. Дубна: Феникс +, 2002. 240 с.
11. Томпсон Д.Л., Пристли Д. Социология. М.: АСТ; Львов: Инициатива, 1998. 496 с.
12. Шаповал И.А. Созависимость в культуре бедности // Педагогический журнал Башкортостана. 2009. № 1. С. 36–50.
13. Sirgy M.J., Wu J. The pleasant life, the engaged life, and the meaningful life: What about the balanced life? // Journal of Happiness Studies. 2009. № 10. P. 183–196.

Subjective Quality of Life in the Psychology of Poverty

Shapoval I.A.,

Dr.Sci. (Pedagogics), Professor, Chair of Special Psychology, Psycho-pedagogical Department, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia, irinashapoval@yandex.ru

---

The article presents a theoretical introduction to the discussion of the subjective quality of life for carriers of psychology of poverty. We revealed the socio-cultural determinants of subjective quality of life, systematize its psychological components and factors of its high level. We describe

a set of characteristics of psychology of poverty, including the sense of displacement from normal life, hopelessness, fatalism, deprivation, social envy, metapathology of personality, lack of subjectivity, responsibility, an outsider position, survivor guilt complex, and so on. On the criterion of the relationship to own life we revealed types of carriers of psychology of poverty: a passive-contemplative, passive-aggressive, pseudocompensatory-devalued, infantile, anomic. We analyzed the specificity of reflection and benchmarking of carriers of psychology of poverty as a cognitive and affective strategies to assess the quality of own lives, focused on the maintenance of self-esteem.

Keywords: subjective quality of life, culture of poverty, psychology of poverty, deprivation, relative deprivation, reflection, benchmarking, types of attitude to life.

References

1. Ashkerov A.Yu. Sotsial'naya antropologiya [Social anthropology]. Moscow: Market DS, 2005. 608 p.
2. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [Liquid modernity]. St. Petersburg: Piter, 2008. 240 p.
3. Dzhidar'yan, I. A. Predstavlenie o schast'e v rossiiskom mentalitete: monografiya [The idea of happiness in the Russian mentality: monograph]. St. Petersburg: Aleteiya, 2001. 242 p.
4. Zolotukhina-Abolina E.V. Povsednevnost': filosofskie zagadki [Daily life: philosophical riddles]. Kyiv: Nika-Tsentr, 2006. 256 p.
5. Zorkaya N. Problemy povsednevnoi zhizni sem'i. "Bednost'" kak fokus vospriyatiya povsednevnykh problem ["Poverty" as the focus of the perception of everyday problems]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya [Monitoring of public opinion]*, 2003, no. 1, pp. 26–38.
6. Maslou A. Motivatsiya i lichnost' [Motivation and personality]. St. Petersburg: Piter, 2008. 351 p. (In Russ.).
7. Ol'shanskii D.V. Psikhologiya mass [The psychology of the masses]. St. Petersburg: Piter, 2002. 386 p.
8. Osukhova N.G. Psikhologicheskaya pomoshch' v trudnykh i ekstremal'nykh situatsiyakh [Psychological help in difficult and extreme situations]. Moscow: «Akademiya», 2005. 288 p.
9. Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik. 2012: Stat.sb. [Russian statistical Yearbook. 2012]. Rosstat. Moscow, 2012, 786 p.
10. Slavskaya A.N. Lichnost' kak sub"ekt interpretatsii [Personality as a subject of interpretation]. Dubna: Feniks +, 2002. 240 p.
11. Tompson D.L., Pristli D. Sotsiologiya [Sociology]. Moscow: OOO «Firma Publ. AST; L'vov: Initsiativa, 1998, 496 p.
12. Shapoval I.A. Sozavisimost' v kul'ture bednosti [Codependence in the culture of poverty]. *Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana [Pedagogical journal of Bashkortostan]*, 2009, no. 1, pp. 36–50.
13. Sirgy M.J., Wu J. The pleasant life, the engaged life, and the meaningful life: What about the balanced life? *Journal of Happiness Studies*, 2009, no. 10, pp. 183–196.